

Забияко А. А., Зиненко Я. В., Конталева Е. А., Цмыкал О. Е., 2018, «Я очень хочу встретиться с тобой – живым свидетелем истории Харбина»: эмигрантский архив Валентины Хан, „Emigrantologia Slowian” vol. 4 (2018), с. 15-28

Анна А. Забияко,

ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-8520-930X>

Яна В. Зиненко,

ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-6255-9756>

Евгения А. Конталева,

ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-6255-9756>

Ольга Е. Цмыкал

ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-7622-7437>

(Амурский государственный университет, Благовещенск, Россия)

«Я очень хочу встретиться с тобой – живым свидетелем истории Харбина»: эмигрантский архив Валентины Хан

“I really want to meet with you – a living witness to the history of Harbin”: the immigrant archive of Valentina Khan

Резюме: статья посвящена реконструкции повседневной жизни эмигрантского сообщества в Харбине с 20-х гг. прошлого века по начало 2000 гг. Источником и материалом исследования послужил архив Валентины Хан – этнической кореянки, считавшей себя русской и являвшейся духовным лидером последних русских харбинцев. Судьба В. Хан отразила все приметы жизни русской эмиграции в Китае – годы учебы в учебных заведениях Харбина, японскую оккупацию, приход советских войск в 1945 г., культурную революцию и последующие репрессии, дальнейшее рассеяние по странам и континентам, культурную и религиозную жизнь общины оставшихся в Харбине могижан русской эмиграции.

Ключевые слова: эмигрантология, русский Харбин, архив, эпистолярии, православие, этнокультурная идентификация, культурная революция

Summary: The article presents the reconstruction of the everyday life of the emigrant community in Harbin since the 1920's up to the beginning of 2000's. The research is based on the materials collected in the archive of Valentina Khan, an ethnic Korean who considered herself Russian and was the spiritual leader of the last Russian emigrants in Harbin. The fate of V. Khan reflected all the specificity of Russian emigration life in China – school years and the years of higher education in Harbin, the Japanese occupation, the arrival of Soviet troops in 1945, the cultural revolution and subsequent repression, the further scattering of countries and continents, the life of the “Mohicans” of Russian emigration who stayed in Harbin.

Key words: emigrantology, Russian emigration community in Harbin, archive, epistolaria, orthodoxy, ethnocultural identification, cultural revolution

За последние два десятка лет эмигрантология дальневосточного зарубежья получила фундированное развитие в исследованиях китайских и российских ученых – историков, религиоведов, архитекторов, литературоведов (Диао Шаохуа 2001; Ли И 2002; Ли Мэн 1999; Полански 2002; Таскина 1998; Хисамутдинов 2000; Хисамутдинов 2002; Крадин 2001, Левашко 2003, Аблова 2004; Забияко 2005; Забияко, Эфендиева 2009а; Забияко, Эфендиева 2009б; Забияко 2013; Забияко 2014; Забияко, Эфендиева 2015; Забияко, Забияко, Левашко, Хисамутдинов 2015; Забияко 2016). Данные

научные изыскания, основанные на детальном изучении архивов (ГАХК, ГАРФ, ИРЛИ, ИМЛИ, РГБ, Славянской библиотеки, Тургеневской библиотеки и др.), частных коллекций известных эмигрантов-дальневосточников (В.А. Слободчикова, Л.А. Хаиндровой, Л. Андерсен, В. Перелешина, Н. Щеголева и др.), содержательно дополняются публикациями воспоминаний и мемориальных свидетельств эмигрантов и их родственников (*Русский Харбин. Чтобы помнили; Восточное полушарие; Русские харбинцы* и др.).

История, как известно, творится личностями, а движется обычными людьми. История русской эмиграции на Дальнем Востоке и, в первую очередь, русских в Харбине была бы неполной, если бы ее воссоздание строилось исключительно на свидетельствах поэтов, писателей, известных научных и политических деятелей. Потому столь большой ценностью обладают в настоящее время устные истории оставшихся в живых эмигрантов и их потомков (Зиненко, Цзюй 2015; Ли 2017; Сенина 2017; Забияко, Забияко 2018; Забияко, Зиненко, Чжан 2018), а также эпистолярное наследие эмигрантов. Особый интерес вызывают архивные документы, свидетельствующие о судьбе эмигрантской общины в Китае в диахронии. Одним из таких собраний становится коллекция харбинского историка-любителя Ли Ляна (Li Liang) (Ерёмин 2015а; Ерёмин 2015б; Ерёмин 2016). Выкупив письма Валентины Павловны Хан – русской кореянки, жившей в Харбине, он начал активную работу по сохранению и продвижению бренда «Валя Хан». В 2015 г. Ли Ляном был открыт ресторан под названием «В память о Вале Хан», а в 2016 г. на средства от продажи ресторана был открыт «Музей писем русских эмигрантов». К сожалению, сделать проект востребованным в китайской среде не удалось – в настоящее время музей не функционирует.

В настоящее время Ли Лян владеет более чем 10 тыс. отсканированных документов, писем, поздравительных открыток и фотографий. Во время полевой экспедиции сотрудников «Центра изучения дальневосточной эмиграции» Амурского государственного университета в 2016 г. в г. Харбин Ли Лян передал Центру часть оцифрованных писем, которые В.П. Хан хранила в своём доме с середины 60-х гг. XX в. до момента её кончины. Это не только письма, которые отправляли харбинцы (М. Мятков, В. Зинченко, Н. Давиденко и др.), и их копии, но и копии писем Валентины Хан, которые она отправляла родственникам, знакомым и друзьям в СССР, Россию, Австралию, США и др., а также все поздравительные открытки, письма, документы, записки, присланные ей. В архиве харбинки можно найти вырезки из газет, фотографии, записки, счета, заявления в органы власти, свидетельства о смерти и огромное количество других уникальных записей.

Архив Валентины Павловны Хан – ценнейший источник реконструкции истории повседневной жизни многонационального Харбина, центра дальневосточной эмиграции. Валентина Хан была этнической кореялкой и настоящей харбинкой, пережившей в этом городе и с этим городом практически все этапы его вековой истории. Она родилась в семье корейцев в Никольск-Уссурийске в 1922 году (Косицын 2005: 7). По другим источникам – 31 октября 1924 года в Чаньчуне (Хан 2005б: 6), куда в 1923 году перебрался её отец, Павел Трофимович Хан, выходец из бедной крестьянской семьи, имевший три класса образования церковно-приходской

школы и два класса гимназии. Сам он родился во Владивостоке; там в 1918 году женился на матери Вали – Елизавете Павловне, тоже кореянке. После рождения дочери семья Хан переехала в Харбин, где и обосновалась на долгие годы. В Харбине родились младшие братья Валентины – Георгий (Юрий, 1927) и Эраст (1930): «Будучи уроженцем Приморского края России, он [П.Т. Хан] в 1923 году вместе с волной беженцев переехал с женой в Китай, в г. Чаньчунь, где в 1924 году родилась дочь Валентина. В Чаньчуне в то время русских не было, поэтому он вместе с семьей переехал на постоянное жительство в Харбин, где я [Г.П. Хан] родился в 1927 году, а в 1930-м появился на свет мой младший брат Эраст» (Хан 2008: 1). В скором времени отец Валентины Павловны занялся коммерцией и стал состоятельным человеком:

«Природа наделила его аналитическим умом и способностью к коммерции, он умел располагать к себе людей и находить с ними общий язык. Все эти качества способствовали успешному ведению дел, и уже к своим 28 годам он вывел семью из нужды» (Хан 2008: 1).

Обучение Валентины Хан началось в русской гимназии им. Достоевского, переименованной позднее в Гимназию Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ), а затем, японцами, во 2-ю Высшую женскую школу, которую Валентина и закончила в 1939 году. В том же году В. Хан поступает в Северо-Маньчжурский Университет на коммерческое отделение и оканчивает его в 1942 году, получив степень кандидата коммерческих наук: «Моя дорогая соученица, однокашница. Мы с тобой птенцы гнезда Северо-Маньчжурского У.» (Виталий. Письмо [в]). С 1939 по начало 1946 года Валя учится в Первой харбинской музыкальной школе у Н.К Фокиной-Сидоровой по классу фортепиано. В одном из писем она вспоминала:

«В 1946 г. когда случайно я попала в г. Хайлар из Якэши на 1 месяц, то Коля Слезкин уговорил меня выступить на Хайларской сцене аккомпанировать ему “Чардаш” Монти. Пришлось сыграть его дважды на бис. К сожалению, я не оправдала надежд Нины Константиновны, которая считала меня самой лучшей ученицей» (Хан 1993а: 1). В 1943 году Валентина прошла курсы кройки и шитья у Ж.Т. Игнатович, а с 1944 по январь 1946 года училась на Фельдшерско-акушерских курсах при Мариинской общине Красного Креста в Харбине. Георгий Хан писал: «Получив такое блестящее всестороннее образование, Валя еще в школе прониклась большой любовью к России, ко всему русскому и, вращаясь в русской среде, порой забывала, что она кореянка» (Хан 2005б: 7).

Помимо родного корейского языка, которым во взрослой жизни она практически не пользовалась, Валентина владела ещё четырьмя: русским, английским (который она выучила на курсах в колледже Христианской ассоциации молодых людей (ХСМЛ) и благодаря которому она так же могла зарабатывать на жизнь), китайским (которым она овладела во время 12-летнего заключения в китайской тюрьме и ссылке), и японским, который, как русский и английский, она преподавала.

В душе Валентина Хан считала себя русской. Вместе с русским языком, который сыграл главную роль в её непростой жизни, на нём думала, писала письма, и который в тяжёлое время её «кормил», она впитала и русскую культуру. Валентина была крещена в Русской православной церкви и до конца жизни оставалась глубоко верующим человеком. Она подчеркивала, что именно вера помогла ей выжить в тяжкие годы душевных и физических испытаний.

В 1945 году в Харбин вошли советские войска, а следом, после их ухода, части 8-й Китайской армии, в составе которых были и корейские подразделения. Корейцы не могли простить Павлу Трофимовичу Хану его богатства: ворвавшись в дом, выгнали всю семью Хан на улицу, полностью завладели имуществом, а китайские власти национализировали принадлежавшие семье три дома: «Однажды ворвавшись к нам, они выгнали всех нас, в чем мы были, на улицу и полностью разграбили наш дом, захватив с собой все, что можно было унести, а то, что не смогли – варварски разбили и переломали» (Хан 2008: 2).

Чтобы избежать дальнейших репрессий, семье пришлось переехать из Харбина на железнодорожную станцию Якэши. Отец, оба сына и дочь устроились на работу в Управление лесных концессий КЧЖд и Братьев Воронцовых, где Валентина работала секретарём-машинисткой:

«Во-первых, война, козни гоминдановцев, заставившие нашу семью срочно покинуть Харбин и выехать в Якэши, где я прожила несколько лет. Вторых, надо было думать о заработках. В Якэши работала секретарем-машинисткой у советского подполковника, потом вернулась сама в Харбин, а родители и Юра с Эриком оставались в Якэши. Продолжала повышать свою квалификацию на Восточно-экономическом факультете ХПИ, работая одновременно в Лесном отделе железной дороги» (Хан 1993а: 1).

Работая в Управлении, В.П. Хан также принимала активное участие в общественной жизни городка, была секретарем Местного комитета профсоюза и заместителем председателя Союза советской молодежи: «По инициативе и под руководством Вали был построен сельский стадион. Скучать было некогда, но все же тосковали по Харбину» (Хан 2008: 2).

В августе 1949 года Валентина Павловна была переведена в Правление лесных концессий КЧЖд и Братьев Воронцовых в Харбине. Она сняла квартиру в Модягоу на Балканской улице, куда вскоре переехали и родители. В 1950-е годы младший брат Эраст со своей семьёй перебрался в Советский Союз, поддавшись пропагандистским призывам осваивать целину. Средний брат Георгий находился в Корее, где в то время шла война: «Китай направил в Корею свои войска и стал набирать в Харбине добровольцев из числа корейской диаспоры, проживавшей в Харбине. Получил из военкомата повестку и я. В военкомате меня стали расспрашивать, но ничего толком я им сказать не мог, так как если по-китайски я мог еще разговаривать по типу “твоя моя”, то корейский язык, к своему стыду, я не знал, так как все годы жил среди русских, совершенно не общаясь с корейцами» (Хан 2008: 2–3). Вернувшись из Кореи в 1958 году, Георгий также в 1961 уехал со своей семьёй в Советский Союз,

в Казахстан, договорившись с Валентиной и родителями, что они переедут к нему, как только он там устроится. Однако вскоре отношения между Советским Союзом и Китаем настолько ухудшились, что границу закрыли.

Переписываясь с братом Георгием, живущим в Казахстане, Валентина пыталась получить визу для встречи с ним, часто ездила в посольство в Пекин. В это время в Китае начинается культурная революция. Валентине предъявляют обвинение в «шпионаже в пользу СССР». По воспоминаниям брата, «29 августа 1964 года ее [В.П. Хан] прямо на улице схватили и, втолкнув в машину, повезли в тюрьму, где поместили в одиночную камеру» (Хан, 2005: 6). В течение восьми лет Валентину Павловну практически ежедневно вызывали на допросы по поводу контрреволюционной деятельности и шпионажа. Только через восемь лет и пять месяцев ей был зачитан приговор о десяти годах тюремного заключения и впервые было разрешено увидеться с матерью: «Присутствующая при нашей встрече переводчица не могла удержать слез сочувствия, а мы с мамой сдерживали слезы, потому что заранее были предупреждены, что если будем плакать, то свидание будет прервано» (Хан 1985д: 2).

Георгий в воспоминаниях о Валентине пишет: «За все свои тюремные годы она не имела никаких сведений о своих родителях и переживала за них, зная, что без нее им просто не на что жить» (Хан 2005б: 6). И Валентину действительно ждал очередной удар: пока она сидела в тюрьме, умер отец. Валентина в письме к близкой подруге пишет: «Ты спрашиваешь меня о моем папе и братьях. Мой папа умер в 1973 году, когда я сидела в тюрьме. Был парализован 8 месяцев и все время звал меня: “Валя, где ты; почему не идешь домой?”» (Хан 1985д: 2). О смерти отца ей стало известно через полгода от матери, которая при свидании поначалу не узнала свою дочь: настолько изменили Валентину годы тюрьмы и болезни. Саму же Валю потряс вид Елизаветы Павловны: «в трауре, с заплатами на одежде, с бедной передачей» – всё, что можно было продать, родители отдали за бесценок, чтобы как-то выжить во время её отсутствия.

Будучи глубоко верующей, в заключении Валя почти все время горячо молилась. Вера её в тюрьме, по свидетельствам самой Валентины, ещё больше окрепла. В письме подруге В. Хан пишет: «Знаешь, Милушенька, я в тюрьме видела тебя во сне очень ясно, что ты стояла в часовенке, ярко освещенной многими свечами, и обратилась ко мне с утешительными словами. В другой раз так же в тюрьме я видела во сне духовного отца Филарета с рядом стоявшим В. Жернаковым, которые молились, а потом о. Филарет благословил меня. Вот я и думала, что вы все молитесь за меня. Низкий поклон всем, кто молился за меня – великую грешницу. Это Господь Бог покарал меня за все мои грехи молодости. Теперь моя душа очистилась от грязи и пороков жизни, но, конечно еще недостаточно» (Хан 1985д: 1).

Ежедневно в перерывах между молитвами с помощью русско-китайского и китайско-русского словарей она читала китайские газеты и журналы, произведения Мао Цзэдуна. Георгий Хан писал, что «иностранные языки давались ей легко, и к концу тюремного заключения она уже свободно владела китайским» (Хан 2005б: 6). Достойны восхищения цельность натуры и мужественность простой русской эмигрантки, и в то же время не испытывавшим таких страданий невозможно до конца

понять степень психологических деформаций жертв репрессий. Как отмечала сама Валентина, годы, проведённые в одиночной камере, не прошли для неё даром: «На свободе у меня не было бы столько свободного времени и терпения» (Хан 1993а: 1).

Тюрьма и последующие гонения оказали на Валентину Павловну, безусловно, негативное воздействие. По воспоминаниям брата, продержав Валю в одиночной камере более 9 лет, в 1975 году власти отправили её в деревню на «перевоспитание», где ей давали самую тяжелую и грязную работу. Долгое заключение подорвало её здоровье настолько, что тюремный врач вынес суровый приговор: Валя – не жилец на этом свете. Одно время в России среди харбинцев даже ходили слухи, что Валентина умерла в заключении: «Перед освобождением из лагеря среди “китайцев” прошел слух о том, что ты погибла и все, кто тебя знал, скорбели о тебе. Только в 1995 г. я получил от друга из Новосибирска газету, в которой сообщалось, что ты посещала Новосибирск, что не могло не обрадовать меня» (Борис 2004). Сама Валентина пишет: «Милочка Иванова (теперь Осипова) писала, что по мне служили панихиды и справляли поминки, а вот, я жива» (Хан 1993а: 2).

Её отпустили умирать, но она выжила и вернулась почти в пустой дом: «Вероятно, тебе уже известно от Ал<л>очки, что я десять лет сидела в тюрьме, после выхода оттуда меня отправили в деревню копать землю 2 года, но ввиду опасной болезни (гнойное воспаление печени, туберкулез, ревматизм и сердце), мне разрешили вернуться домой к маме “умирать”. Я считаю, что я родилась в рубашке, что выскочила живой из котла нашей “великой культурной революции”» (Хан 1985а: 1). Вот как восторженно отзывался о ней один из её друзей по переписке: «Склоняю свою голову перед твоими страданиями, мучениями, пережитыми в прошлые годы. Ты героически все перенесла и вновь обрела интерес и желание к жизни. Честь тебе, похвала твоим героическим деяниям – женщина. Какой великий пример тысячам и тысячам мужчин. На дорогах сталинских лагерей я много видел их, в мужских штанах, а с душой червяка. Вспомни! Ты в юности читала выражение поэта о таких, как ты: “такая женщина, вот именно такая, за Францию погибла на костре!”, сравнивая себя с Жанной Д’арк!» (Виталий. Письмо [в]).

По некоторым данным, к концу 10-летнего срока Валентина получила письмо от матери, в котором сообщалось, что Елизавета Павловна очень больна. В то же время к Вале начал проявлять интерес начальник лагеря, обещавший ей свободу в обмен на женитьбу. Обретя свободу ценой такого мезальянса, Валя смогла вернуться в Харбин к матери и тогда наконец порвала связь с мужем. Ей было 54 года. Муж не переставал преследовать её, требуя вернуться; но Валя откупилась, подарив тому велосипед и 200 юаней.

В 1982 году Валентина Павловна была реабилитирована, ей дали двухкомнатную квартиру, выплатили часть зарплаты – 10 тыс. юаней, начислили пенсию: «Я даже благодарна судьбе, что теперь я живу очень даже неплохо. Живу одна в квартире из 43 квадратных метра (две комнаты, кухня, коридор и туалет)...» (Хан 1993а: 2).

Из писем Валентины Павловны известно, что в юности у неё был непродолжительный тайный роман с П. Сусловым (она признаётся в этом уже на закате жизни). В число её поклонников входил также Анатолий Вележев, старший сын

известного харбинского журналиста и писателя А.П. Вележева (псевдоним – А. Волин), который в письме матери писал о Вале, что он «всегда её любил, любит и никогда не забудет» (Вележев 1947). Тем не менее, как позже писала сама Валя,

«личная жизнь <...> не сложилась. Выходила замуж, но очень неудачно, поэтому развелась. У каждого человека свое понятие о счастье. У меня счастье это – уважение и признание моих способностей в обществе. А о личной жизни уже не думаю – нет интереса» (Хан 1985в).

Возможно, во многом одинокую судьбу Валентины определил характер её матери. В одном из писем Валя признаётся: «Она [Е.П. Хан] страшно любила меня какой-то ревнивой любовью: никому не разрешала близиться со мной, особенно не подпускала мужчин, чтобы я не вышла замуж» (Хан 1992а). Тем не менее, жили они с матерью «душа в душу». Валя очень любила и жалела Елизавету Павловну, после освобождения ухаживала за больной матерью двенадцать с половиной лет и позже, несмотря на трудности, «с теплом вспоминала те годы» (Косицын 2005: 6).

Испытав невероятные тяготы и лишения, не сумев построить личного счастья, Валентина Павловна всю себя отдавала ученикам. Для начала она набрала небольшую группу и стала преподавать русский язык. Позже стала преподавать русский в Политехническом институте (ХПИ) (по договору), набрались у нее группы и по английскому языку. При этом плату за обучение Валентина Павловна брала незначительную – «настолько мизерную, что ее можно было считать символической» (Хан 1986). Зная, что многие из учеников приходят уставшие и голодные, Валя подкармливала их, чем могла, а если «...видела, что кто-то нуждается, она не брала с него плату за обучение, а сама помогала ему вещами или деньгами, причем делала это очень тактично» (Хан 1986). Ученики приходили к Валентине на праздники, приносили разные, чаще съедобные, гостинцы: «Мои домашние ученики, студенты, аспиранты и инженеры перед праздниками задаривают меня подарками, провизиями, винами, – так что жизнь у меня наладилась. Теперь мое счастье в педагогической деятельности» (Хан 1985а: 1). Дети любили свою преподавательницу всей душой, а благодарные родители в ответ старались тоже сделать что-нибудь приятное. Валентина отмечает:

«Тринадцать с лишним лет, вплоть до конца 1991 г., я преподавала дома у себя русский, английский и иногда японский языки. Зарабатывала неплохо, хотя брала с учеников самую малую плату во всем городе. Надо мной смеялись, что беру так дешево, но зато очень многие ученики теперь уже стали переводчиками и разъезжают по городам СНГ с торговыми делегациями. Так что я не зря прожила свою жизнь» (Хан 1985а: 1).

Позже Валентина также начинает преподавать «игру на фортепьяно малышам» (Хан 1992а).

В разные годы через уроки Валентины Павловны прошли 1235 учеников. До последних месяцев жизни она занималась с ними. В письме от 15.06.2005 г. она пишет:

«Я ежедневно занята с учениками и еще по воскресеньям открыла “Салон разговорного русского языка” во Дворце трудящихся на Старохарбинском шоссе. Провела уже 5 воскресений. Возраст уже солидный – 82 года. Хожу пока довольно бодро, но с тросточкой» (Хан 2005а).

Свое счастье Валентина обрела не только в педагогической деятельности. С открытием Покровского храма в Харбине (после долго перерыва) В.П. Хан стала принимать живейшее участие в церковной и общественной жизни – помогала настоятелю храма о. Григорию, стала чтецом и хористкой, научив прихожан-полукровцев церковному песнопению. Перед большими праздниками разучивала тропари: «У нас в городе осталась только одна православная церковь – Покровская (это бывшее старое кладбище, которое снесли, но церковь оставили). Только в прошлом году (1984) она была открыта. Служит в ней отец Григорий, китаец, но говорящий по-русски, потому что воспитывался в Пекинской духовной семинарии. Ему 59 лет. Большую бескорыстную помощь в открытии нашей церкви оказал мне лично Павел Суслов, с которым переписываюсь вот уже 2 с лишним года. Очень часто по воскресеньям к обеду приходят в церковь приезжающие иностранные туристы, фотографируют. К сожалению, молящихся в церкви русских харбинцев мало, потому что все старики и старушки, некоторым из которых трудно добираться до церкви. Немало есть полукровцев» (Хан 1985д: 3). Валентина Павловна активно содействовала распространению кассет с церковными песнопениями, после чего делилась ими со знакомыми православными харбинцами: «Вашу кассету с песнопениями к “Воздвижению Креста” я получила 5/10-с.г. и с наслаждением неоднократно прослушивала ее, а потом передала братьям Мятovým и З.И. Бородиной, которые тоже слушали почти неделю» (Хан 1985а).

Валя также помогала М.М. Мятову, который распространял средства, получаемые из Австралии и США на нужды престарелых в Харбине:

«Последнее время М.М. Мятов, Э.М. Стокальский, сестры Лукьяновы Зина и Лена, некая Нина Борисовна – преподавательница русского языка в одном из местных институтов – приезжая из России, вот уже два года постоянная прихожанка нашей церкви, – собираемся экспромтом у Ефросинии Андреевны Никифоровой после обедни в церкви, обедаем вскладчину, ведем неторопливые беседы, вспоминаем старый Харбин, друзей и знакомых <...> Огромное спасибо людям в США, помогающим нашим старичкам и старушкам преодолевать материальные затруднения!» (Хан 1992б).

В каждом письме родным, друзьям Валя поздравляла их с православными праздниками, а также сообщала новости православной общины харбинцев:

«Между прочим, ведь сегодня Радоница, я ездила на кладбище вместе с группой оставшихся в Харбине русских и полукровцев. Набрался полный автобус. На могилах служил отец Григорий Чжу» (Хан Письмо [а]); «У нас

русских осталось очень мало, но полукровцев очень много. Пока в церковь ходят всего-то человек 20 вместе с полукровцами» (Хан 1992в); «На почте я была потрясена весом посылки. У меня вылезли глаза на лоб, когда обнаружила... кулич, настоящий пасхальный кулич, и в таком прекрасном состоянии, как будто спечен два дня тому назад. А какой он ароматный! Со всеми запахами, какие положены быть в настоящем русском куличе “дореволюционного времени”! Прежде, чем его резать, я с восторгом покрутилась возле него, вдыхая аромат, и со слезами радости поблагодарила Пресвятую Богородицу и Николая Чудотворца за чудо, присланное мне тобою» (Хан 1993б).

Много писем приходило Вале с восхищёнными отзывами и советами о ведении церковных дел в Харбине: «Но для нас все же разным был Харбин. А тебе суждено стать хранительницей его старины, ангелом-хранителем этой горстки православных людей, собирающихся под сводами Покровского храма» (Письмо [б]). В 1997 году Валентина Павловна была отмечена грамотой от православной общины Нью Йорка за активное участие в розысках останков епископа Ионы Ханькоуского в 1994 году: «Божье благословение за усердные труды. Вы, будучи воспитаны в русском православном духе, пронесли верность святому Православию через всю свою жизнь, не взирая ни на какие житейские трудности, возникшие в последние годы. Вы по мере возможности активно участвуете в церковной жизни, а последние годы поете в церковном хоре. Также Вы занимаетесь благотворительной деятельностью – помогаете нуждающимся и пожилым людям» (Митрополит Виталий 1997).

В 1984 году политический климат в Китае потеплел и в Харбин стали приезжать из разных стран туристы, среди которых было много бывших харбинцев. Приезжали из Америки, Австралии, Канады, России, Израиля и других стран: «Сюда [в Харбин] уже не раз приезжали бывшие харбинцы-русские из США, Австралии, Франции и др. стран <...> Большинство сразу же приходят в нашу Покровскую церковь...» (Хан 1985е).

С течением времени интерес к личности В.П. Хан возрастал. О Вале стали писать в газетах, её начали показывать по телевидению. Георгий Хан пишет: «...когда в Китай с визитом приезжал первый президент России Б.Н. Ельцин, то он лично захотел встретиться с Валею, и она была ему представлена» (Хан 2005б: 6). В 1990-х гг., несмотря на свой преклонный возраст, В.П. Хан много ездила по заграничным командировкам в страны СНГ, а также по России переводчиком для разных торговых фирм. Во время командировок встречалась с братьями, которые проживали в Казахстане. Об этих поездках она много писала:

«После 2-х месячного отсутствия опять наконец-то вернулась домой. Страшно соскучилась по Харбину и дому. Побывала в Алма-Ате от самолета до самолета – два дня у своих братьев. Жизнь там такая дорогая. Все продукты питания настолько дорогие, что люди обычно питаются только хлебом с молоком и супами с вермишелью. Я ежедневно на Украине кормила своих китайских компаньонов 6 человек этими супами, так они потом сами бежали

покупали на свои деньги мясо, говоря, что от таких супов у них в животе революция и упадок сил» (Хан 1993б);

«Побывали у моих двух братьев, которым я отвезла: мужчинам сорочки, майки и ветровки, а женщинам платья, блузки, шерстяные вещи. Все они были страшно рады, потому что на рынке такие вещи у них стоят очень дорого, и носят одежду из старого запаса. Да, в России сейчас много китайских рабочих по разведению овощей, строительству домов, оборудованию и укреплению зданий и др., а также приехало много молодежи для изучения русского языка» (Хан 1993в).

В 2000 году В.П. Хан была приглашена на съезд в Москву от православной общины города Харбина. Посетила много церквей и монастырей. Получила от митрополита Виталия «Благословенную Грамоту». В 2002 году в России вышел репортаж «После революции миллионы подданных Российской империи были вынуждены покинуть Родину» (Спирин, 2002), в котором В.П. Хан очень кратко рассказала журналисту Первого канала о своей судьбе. В мае 2005 года журналистка и писательница из Шанхая Чжоу Хэ выпустила книгу-роман под названием «История “шпионки” Вали» объемом 280 страниц со многими фотографиями и тиражом 6000 экземпляров.

Валентина Павловна Хан скоропостижно скончалась 8 ноября 2005 года от сердечного приступа. Она не хотела быть кремированной по китайскому закону:

«...наше кладбище в недалеком будущем, вероятно, утратит свое назначение, потому что русских старушек и старичков осталось очень мало, а после них, возможно, кладбище сравняют. Вот теперь уже там нельзя хоронить православных кит., корейцев и пр. национальностей, кроме русских и полукровцев, поэтому я уже крепко задумываюсь о том, что будет с моим телом после смерти. Не хочу быть сожженной в крематории, и когда помещают на хранение там же, то надо ежегодно платить взносы за нахождение праха, а кто же после моей смерти захочет платить за меня взносы?» (Хан 1991).

Георгий Павлович, брат Валентины, писал, что в адрес китайских властей поступило 12 факсов с просьбой похоронить В.П. Хан по православному обычаю, без кремации, но власти не разрешили. Прах Валентины Павловны был помещен не в урну, а в специально сделанный ящик наподобие маленького гроба. Похоронена она рядом с могилами её родителей, как и хотела. В Покровской церкви в то время уже не было священника, и австралийские харбинцы, друзья Валентины, прислали из Сиднея магнитофонную запись панихиды, совершенной ими в день кончины их доброго друга (Хан 2006).

Простая харбинская кореянка Валя Хан, воспитанная среди русских эмигрантов в православной культуре, не познав женского и материнского счастья, в полной мере перенесла горести, страдания русских эмигрантов и простых китайцев, выпавшие на их долю в нелёгкие годы исторических кризисов, нашла своё призвание в помощи

и сострадании ближним. Награду она видела в благодарности и успехах учеников, уважении окружающих, вежливом и чутком отношении друзей и знакомых.

Но архив харбинки Валентины Павловны Хан – это не только свидетельство частной судьбы русского праведника, без которого, как известно, не стоит русский мир. Старательно собранный и сохраненный в разнообразии эпистолярный, множества адресатов и маргиналий разного рода (счетов, доверенностей, писем, записок, заметок и т.д.), этот архив беспристрастно свидетельствует о сложной и запутанной истории простых русских эмигрантов, оставшихся в Китае, в ее повседневном течении.

Источники:

- Борис (без фамилии). *Письмо В. Хан от 29.07.2004*. Биробиджан.
- Вележев А. *Письмо В. Хан от 07.09.1947*.
- Виталий (без фамилии). *Письмо [в]*.
- Митрополит Виталий. *Благословенная грамота*, 11.06.1997, Нью Йорк
- Письмо [б]. *Адресант отсутствует. Дата отсутствует*.
- Хан В. *Письмо [а]*, Харбин.
- Хан В. *Письмо от 19.05.1985а*, Харбин, с. 1–2.
- Хан В. *Письмо от 18.05.1985б*, Харбин.
- Хан В. *Письмо от 31.01.1985в*, Харбин.
- Хан В. *Письмо от 15.12.1985г*, Харбин.
- Хан В. *Письмо от 27.07.1985д*, Харбин, с. 1–3.
- Хан В. *Письмо от 12.06.1985е*, Харбин.
- Хан В. *Письмо от 22.12.1986*, Харбин, с. 1–2
- Хан В. *Письмо декабрь 1991*, Харбин.
- Хан В. *Письмо от 05.05.1992а*, Харбин.
- Хан В. *Письмо от 23.05.1992б*, Харбин.
- Хан В. *Письмо от 25.07.1992в*, Харбин.
- Хан В. *Письмо от 02.04.1993а*, Харбин, с. 1–2.
- Хан В. *Письмо от 28.06.1993б*, Харбин.
- Хан В. *Письмо от 29.06.1993в*, Харбин.
- Хан В. *Письмо от 29.12.2004*, Харбин.
- Хан В. *Письмо от 15.06.2005а*, Харбин.
- Косицын Г., 2005, 8 ноября 2005 года в Харбине скоропостижно скончалась Валентина Павловна Хан, «На сопках Маньчжурии» № 122, с. 7.
- Хан Г.П., 2005б, Она прожила очень трудную, но красивую жизнь. Памяти Валентины Павловны Хан, «На сопках Маньчжурии» № 123, с. 6.
- Хан Г.П., 2006, Похороны Валентины Павловны Хан, «На сопках Маньчжурии», № 126, с. 6.
- Хан Г.П., 2008, Три этапа моей жизни, «На сопках Маньчжурии» № 146, с. 1–4.
- Русский Харбин (Harbin Russians...To remember). *Чтобы помнили.... Судьба Русского Харбина величественна и трагична.*
http://forum.vgd.ru/614/31743/4270.htm?a=stdforum_view&o= [07.12.2018].
- Восточное полушарие. *Русские Харбинцы. Темная страница истории.*
<https://polusharie.com/index.php?topic=1878.50> [07.12.2018].
- Еремин С., 2015а, В столице Хэйлуниязяна открылись салон «Харбинец» и кафе «У

- Вали Хан». <http://www.old.russianchina.org/articles/2015/09/02/6555> [07.12.2018].
- Еремин С., 2015б, *Две важные новости Харбина*, URL: <http://www.unification.com.au/articles/2950> [07.12.2018].
- Еремин С., 2016, *Горячий сентябрь в Харбине*, URL: <http://www.unification.com.au/articles/3451> [07.12.2018].
- Спирин П., 2002, После революции миллионы поданных Российской империи были вынуждены покинуть Родину, URL: https://www.1tv.ru/news/2002-11-07/259528posle_revoljutsii_milliony_podannyh_rossiyskoj_imperii_byli_vynuzhdeny_pokinut_rodinu [07.12.2018].

Литература:

- Аблова Н.Е., 2004, *КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.)*, Москва.
- Диао Шаохуа., 2001, *Литература русского зарубежья в Китае (в г. Харбине и Шанхае): библиография*, Харбин.
- Забияко А.А., 2005, *Тропа судьбы Алексея Ачаира*, Благовещенск.
- Забияко А.А., Эфендиева Г.В., 2009а, *Меж двух миров: русские писатели в Маньчжурии*, Благовещенск.
- Забияко А.А., Эфендиева Г.В., 2009б, «Четверть века беженской судьбы...» (*художественный мир лирики русского Харбина*), Благовещенск.
- Забияко А.А., 2013, *На проселочных дорогах русской литературы: казус харбинской беллетристики*, Благовещенск.
- Забияко А.А., 2014, «Мои это годы, моя это жизнь и судьба!» (*Жизнь и творчество поэта Николая Щеголева в контексте судьбы «взыскующих поэтов» дальневосточного зарубежья*), Москва.
- Забияко А.А., Эфендиева Г.В., 2015, *В художественном мире харбинских писателей. Арсений Несмелов: Материалы к творческой биографии*, Благовещенск.
- Забияко А.А., Забияко А.П., Левашко С.С., Хисамутдинов А.А., 2015, *Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта*, Благовещенск.
- Забияко А.А., 2016, *Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина*, Новосибирск.
- Забияко А.П., Забияко А.А., 2018, *Русские в Трехречье: маргинальная этничность в маргинальных текстах (Иван Васильев)*, «Россия и Китай на дальневосточных рубежах» № 12.
- Забияко А.А., Зиненко Я.В., Чжан Жуян, 2018, *Беседы с русской харбинкой: Любовь Николаевна Ли*, «Россия и Китай на дальневосточных рубежах» №12.
- Зиненко Я.В., Цзюй Кунь, 2015, «Мы жили в Харбине, как при царской России»: *социокультурные и этнокультурные процессы 10-50 гг. XX в. в сознании дальневосточных эмигрантов*, «Россия и Китай на дальневосточных рубежах» №11.
- Крадин Н.П., 2001, *Харбин – русская Атлантида*, Хабаровск.
- Левашко С.С., 2003, *Русская архитектура в Маньчжурии. Конец XIX–первая половина XX века*, Хабаровск.

- Ли И., 2002, *Образ Китая в русской поэзии Харбина*, Москва.
- Ли И., 2017, *История простой русской харбинки*, «Русский Харбин, запечатленный в слове» №7.
- Ли Мэн, 1999, *Харбин – продукт колониализма*, «Проблемы Дальнего Востока» №1, с. 96–103.
- Полански П., 2002, *Русская печать в Китае, Японии и Корее: каталог собрания библиотеки им. Гамильтона Гавайского университета*, Москва.
- Сенина Е.В., 2017, «Я скучаю по харбинской жизни»: *Социокультурные и этнокультурные процессы 1930-1950-х гг. в сознании дальневосточных эмигрантов*, «Русский Харбин, запечатленный в слове» №7.
- Таскина Е.П., 1998, *Русский Харбин*, Москва.
- Хисамутдинов А.А., 2000, *По странам рассеяния*, Владивосток.
- Хисамутдинов А.А., 2002, *Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке*, Владивосток.

Sources:

- Boris (without name). *Pis'mo V. Khan ot 29.07.2004*. Birobidzhan.
- Khan G.P., 2005b, *Ona prozhila ochen' trudnuyu, no krasivuyu zhizn'. Pamyati Valentiny Pavlovny Khan*, «Na sopkakh Man'chzhurii», № 123, p. 6.
- Khan G.P., 2006, *Pokhorony Valentiny Pavlovny Khan*, «Na sopkakh Man'chzhurii», № 126, p. 6.
- Khan G.P., 2008, *Tri etapa moyey zhizni*, «Na sopkakh Man'chzhurii», № 146, pp. 1–4.
- Khan V. *Pis'mo [a]*, Kharbin.
- Khan V. *Pis'mo dekabr' 1991*, Kharbin.
- Khan V. *Pis'mo ot 02.04.1993a*, Kharbin, pp. 1–2.
- Khan V. *Pis'mo ot 05.05.1992a*, Kharbin.
- Khan V. *Pis'mo ot 12.06.1985e*, Kharbin.
- Khan V. *Pis'mo ot 15.06.2005a*, Kharbin.
- Khan V. *Pis'mo ot 15.12.1985g*, Kharbin.
- Khan V. *Pis'mo ot 18.05.1985b*, Kharbin.
- Khan V. *Pis'mo ot 19.05.1985a*, Kharbin, pp. 1–2.
- Khan V. *Pis'mo ot 22.12.1986*, Kharbin, pp. 1–2
- Khan V. *Pis'mo ot 23.05.1992b*, Kharbin.
- Khan V. *Pis'mo ot 25.07.1992v*, Kharbin.
- Khan V. *Pis'mo ot 27.07.1985d*, Kharbin, pp. 1–3.
- Khan V. *Pis'mo ot 28.06.1993b*, Kharbin.
- Khan V. *Pis'mo ot 29.06.1993v*, Kharbin.
- Khan V. *Pis'mo ot 29.12.2004*, Kharbin.
- Khan V. *Pis'mo ot 31.01.1985v*, Kharbin.
- Kositsyn G., 2005, *8 noyabrya 2005 goda v Kharbine skoropostizhno skonchalas' Valentina Pavlovna Khan*, «Na sopkakh Man'chzhurii», № 122, з. 7.
- Mitropolit Vitaliy. *Blagoslovennaya gramota, 11.06.1997*, N'yu York
- Pis'mo [b]*. Without addressee. Without date.

- Russkiy Kharbin (Harbin Russians...To remember). *Ch'toby pomnili.... Sud'ba Russkogo Kharbina velichestvenna i tragichna.*
http://forum.vgd.ru/614/31743/4270.htm?a=stdforum_view&o= [07.12.2018].
- Spirin P., 2002, *Posle revolyutsii milliony podannykh Rossiyskoy imperii byli vynuzhdeny pokinut' Rodinu,* https://www.1tv.ru/news/2002-11-07/259528posle_revoljutsii_milliony_podannyh_rossijskoy_imperii_byli_vynuzhdeny_pokinut_rodinu [07.12.2018].
- Velezhev A. *Pis'mo V. Khan ot 07.09.1947.*
- Vitaliy (without name). *Pis'mo [v].*
- Vostochnoye polushariye. *Russkiye Kharbintsy. Temnaya stranitsa istorii*
<https://polusharie.com/index.php?topic=1878.50> [07.12.2018].
- Yeremin S., 2015a, *V stolitse Kh-eyluntszyana otkrylis' salon «Kharbineey» i kafe «U Vali Khan»* <http://www.old.russianchina.org/articles/2015/09/02/6555> [07.12.2018].
- Yeremin S., 2015b, *Dve vazhnyye novosti Kharbina,*
<http://www.unification.com.au/articles/2950> [07.12.2018].
- Yeremin S., 2016, *Goryachiy sentyabr' v Kharbine,* URL:
<http://www.unification.com.au/articles/3451> [07.12.2018].

References:

- Ablova N.E., 2004, *KVZhd i rossiyskaya emigratsiya v Kitaye: mezhdunarodnyye i politicheskiye aspekty istorii (pervaya polovina KHKH v.),* Moskva.
- Diao Shaokhua., 2001, *Literatura russkogo zarubezh'ya v Kitaye (v g. Kharbine i Shankhaye): bibliografiya,* Kharbin.
- Khisamutdinov A.A., 2000, *Po stranam rasseyaniya,* Vladivostok.
- Khisamutdinov A.A., 2002, *Rossiyskaya emigratsiya v Aziatsko-Tikhoookeanskom regione i Yuzhnoy Amerike,* Vladivostok.
- Kradin N.P., 2001, *Kharbin – russkaya Atlantida,* Khabarovsk.
- Levoshko S.S., 2003, *Russkaya arkhitektura v Man'chzhurii. Konets XIX–pervaya polovina XX veka,* Khabarovsk.
- Li I., 2002, *Obraz Kitaya v russkoy poezii Kharbina,* Moskva.
- Li I., 2017, *Istoriya prostoy russkoy kharbinki,* «Russkiy Kharbin, zapechatlennyy v slove» №7.
- Li M-en, 1999, *Kharbin – produkt kolonializma,* «Problemy Dal'nego Vostoka», №1, pp. 96-103.
- Polanski P., 2002, *Russkaya pechat' v Kitaye, Yaponii i Koreye: katalog sobraniya biblioteki im. Gamil'tona Gavayskogo universiteta,* Moskva.
- Senina YE.V., 2017, *«Ya skuchayu po kharbinskoy zhizni»: Sotsiokul'turnyye i etnokul'turnyye protsessy 1930-1950-kh gg. v soznanii dal'nevostochnykh emigrantov,* «Russkiy Kharbin, zapechatlennyy v slove» №7.
- Taskina YE.P., 1998, *Russkiy Kharbin,* Moskva.
- Zabiyako A.A., 2005, *Tropa sud'by Alekseya Achaira,* Blagoveshchensk.
- Zabiyako A.A., 2013, *Na proselochnykh dorogakh russkoy literatury: kazus kharbinskoy belletristiki,* Blagoveshchensk.

- Zabiyako A.A., 2014, «*Moi eto gody, moya eto zhizn' i sud'ba!*» (*Zhizn' i tvorchestvo poeta Nikolaya Shchegoleva v kontekste sud'by «vzyskuyushchikh poetov» dal'nevostochnogo zarubezh'ya*), Moskva.
- Zabiyako A.A., 2016, *Mental'nost' dal'nevostochnogo frontira: kul'tura i literatura russkogo Kharbina*, Novosibirsk.
- Zabiyako A.A., Efendiyeva G.V., 2009a, *Mezh dvukh mirov: russkiye pisateli vMan'chzhurii*, Blagoveshchensk.
- Zabiyako A.A., Efendiyeva G.V., 2009b, «*Chetvert' veka bezhenskoj sud'by...*» (*khudozhestvennyy mir liriki russkogo Kharbina*), Blagoveshchensk.
- Zabiyako A.A., Efendiyeva G.V., 2015, *V khudozhestvennom mire kharbinskikh pisateley. Arseniy Nesmelov: Materialy k tvorcheskoy biografii*, Blagoveshchensk.
- Zabiyako A.A., Zabiyako A.P., Levoshko S.S., Khisamutdinov A.A., 2015, *Russkiy Kharbin: opyt zhiznestroitel'stva v usloviyakh dal'nevostochnogo frontira*, Blagoveshchensk.
- Zabiyako A.A., Zinenko YA.V., Chzhan Zhuyan, 2018, *Besedy s russkoy kharbinkoy: Lyubov' Nikolayevna Li*, «Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh» №12.
- Zabiyako A.P., Zabiyako A.A., 2018, *Russkiye v Trekhrech'ye: marginal'naya etnichnost' v marginal'nykh tekstakh (Ivan Vasil'yev)*, «Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh» № 12.
- Zinenko YA.V., Tszyuy Kun'i, 2015, «*My zhili v Kharbine, kak pri tsarskoy RossiI: sotsiokul'turnyye i etnokul'turnyye protsessy 10-50 gg. KHKH v. v soznanii dal'nevostochnykh emigrantov*», «Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh» №11.